

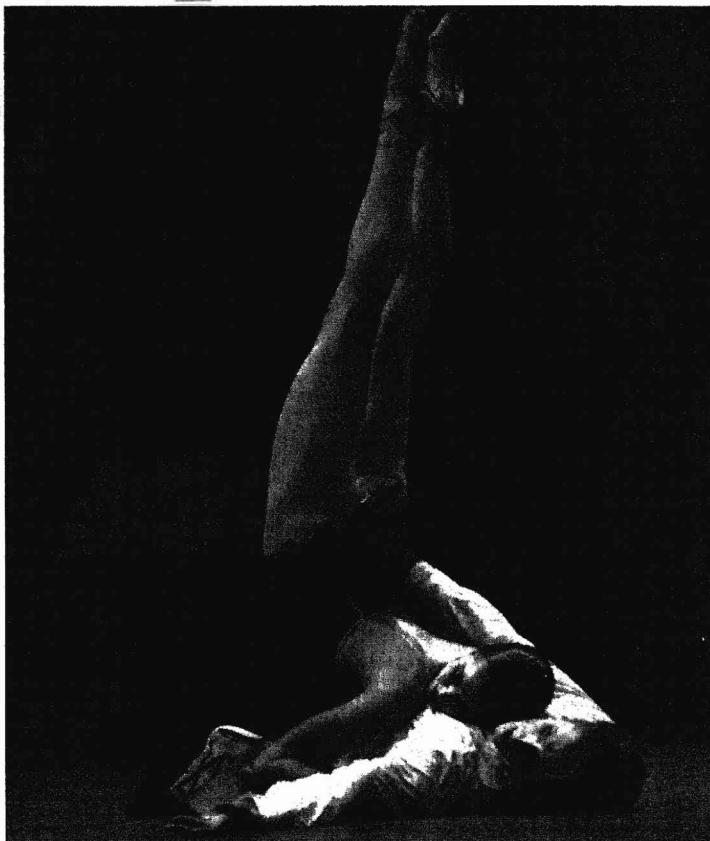
Очень средние дуэты

Гастроли Мариинки в Большом театре

Своеобразная ситуация сложилась ныне в русском балете — на то только что состоявшийся обменных гастролх "Большой и Мариинский 2003", организованных двумя ведущими театрами и ассоциированной "Золотая Маска", присутствовали спектакли исключительно зарубежных балетмейстеров (некой компромисс — маринский 12-минутный "Средний дуэт" в постановке проживающего в Дании Алексея Ратманского). Их несомненным лидером оказался француз Ролан Пети: Большой повел в Питер "Позднего" — "Пассакалью" и "Пиковую даму", в Мариинский в Москву, наоборот, "раннего" — хорошо известные "Кармен" и "Юношу и смерть", которые уже не один сезон значатся в афише театра. А в придачу — в дни петербургской премьеры почти всемирно критически обруганную "Манон" — английский шафер сэра Кеннета Макмиллана на французские танцы XVIII века. Сразу оговорим основное — и английскую, и французскую хореографию русские артисты вообще танцуют на свой манер: видоизменяя ее характер, размывая форму, представляя акценты, порой излишне педантируя игровые мизансцены. У нас свое представление о знаковых фигурах французской литературы трех веков — Манон, Кармен, Даме-смерть... Стиль — дело чрезвычайно тонкое, но даже на приблизительное его освоение репетиционного времени, как правило, просто нет. Да и сами иностранные постановщики, их ассистенты и помощники не очень-то склонны трудиться над своими шедеврами больше 6–8 недель (интересный срок).

Но вернемся к маринским гастролям. Вместо обещанной "Золушки" Прокофьева — Ратманского, номинированной в этом году на "Золотую Маску", в столицу прибыла французская и английская классика XX века. Мало того, в привезенных балетах наслех менялись исполнительские составы (поклонники наваряд оплакивали отсутствие Фаруха Рузматова), а сами постановки еще в дни премьеры в Мариинском вызвали множество кареканий и наваряд ли утлчилились за прошедшие годы.

Чем же "ранний" Пети отличается от "позднего"? Пожалуй, особенно немиком. Французскую классику принято заведное постоянство как в сфере отбора выразительных средств, так и приемов драматургического построения балета. Легко узнаваем его творческий почерк что в юности, что в зрелые годы. К тому же его камерные по масштабам "Кармен" (еже скупной набор перемещался по сцене Большого со скрипом, а задний порой застревал между небом и землей) и особенно "Юноша и смерть" с ополовиненными декорациями (изначально исперились стены мандарин и закрытая дверь, в которую по всем законам сартровской эстетики должен появиться Юноша) смотрелись весьма непривычно и уютно, скроинно таясь в крошечной тьме. Подобный "гастрольный минимализм" внос свои коррективы в первоначальный замысел Пети — вовсе необязательно Юношу накладывать на себя кули, чтобы оосободить от власти убогого и презренного быта: гулять себе хоть весь спектакль по крышам Парижа — они тут, радуй! Да и мильи, нежно-чувственный белокурий герой Андриана Фадеева мало обременен экзистенциальными проблемами. Скорее он мает неадекватность оинтиминого характера — хочю, хочю умир, пришедшую ко мне темпераментную зрелую даму (ее уберанно танцует Ирма Никордзе) или арестованную-запуганную броскую блондинку (в другом составе — не менее экзотичная Юлия Мезинкина). А после того, как она наиздавалась avvolio и ушла, пора и в пелло! Хотя подобный "разворот" сюжета Жана Кокто про бедного художника и его метафизическую возлюбленную и окончательн увел от всего того, что было мило полюбленному поклоннику французской интеллекту-

"Кармен". Д.Вишнева — Кармен, А.Меркурьев — Хозе

алю, но зато такой "пассаж" придал спектаклю Мариинского театра ту несомненную живость и стихийность, которой не оказалось в откровенно аротичной "Кармен". Тому свои причины — и сиюминутные (не танцевал Рузматов), и фундаментальные (в Мариинке, к сожалению, нет настоящего Хозе, кстати, как и кавалера де Грие). Нарочито темпераментный Кармен Дианы Вишневой на сей раз достался "любимчик на миг" — с Андреем Меркурьевым она встретилась на спектакле впервые, со всеми выходящими из такого скоропалителного раздвух позадствиями: нероености в дуэтах, отсутствие взаимопонимания, не говоря про более пламенный чувства. Меркурьев, по природе своей чувствующий современные ритмы и умело "пропускающий" их через свое тело (он очень импозантен в "Среднем дуэте", убедителен его Принц в "Золушке"), в партии Хозе на двух спектаклях показался "одичавшим": старательно выдвигал все па, обнимал Кармен, когда "то штату" положено, по-детски неловко закалывал ее. "Кармен" — преимущественно дуэтный балет, и если в нем отсутствует достойный героини любовник-соперник, провисают все ударные сцены. В своем фанальном подвиге герои "бодались": будто два драчливых козленка...

Это было далеко не лучший спектакль и у Дианы Вишневой — не то партнер "неудобный" и дуэты несбалансированы, не то пол оказался неожиданно скользким — балерина допускала технические промахи, незастывшие ее профессиональному, воягда до мельчайшей детали выверенному танцу.

Вторая, ярко-рыжая маринская Кармен (Наталья Солонгу) напоминала скорее куртизанку средней руки времен Наполеона III, какими в изобилии увлекочивали французские импрессионисты... А вялая игра оркестра под управлением Юстава Плиса-Старенберга сразу убоковала и сцену и зал. Приятный сон моего соседа-француза нарушили лишь, знаменитые куплеты про "ляму", пропетые балетными бандитами с донельзя трогательным русским акцентом — услышав родные напевы, сосед тут же проснулся и принял их мурлыка с нескрываемым удовольствием. В Большом всегда найдется благодарный зритель!

Когда смотришь "Средний дуэт" в исполнении Светланы Захаровой, как-то особенно отчетливо понимаешь, откуда у него растут ноги (имею в виду постановку). А "дуэт" они из хореографии Уборяйта, с которой у Ратманского много общего. Тут же вспоминаются "говорильные" стопы и свероточенные движения Сильвы Гийем из хорошо у нас известного форейтского номера "In the Middle". Захаровой ближе прямая передача хореографического текста, чем ноэсны подтексты, которые здесь, несомненно, имеются. Пара Жанна Антопова и Ислам Баймурадов, танцевавшая номер во второй вечер, осталась в пределах привычной петербургской "классической корректности".

Дух разъярился. Манон предложил Мариинский театр. Так как гастроль в "Кармен" открыла Диана Вишневая, то первая "Манон" досталась другой прима-тенор — Светлане Захаровой.

Сам балет как нельзя лучше вписался в сцену Большого (многие спектакли Мариинского театра на ней смотрятся лучше, чем под родными сводами). Но в целом эта английская классика тридцатилетней давности ("Манон" появилась в 1974 году) в исполнении маринской труппы показавшая устарелой и затпу-

той — по ходу балета хотелось ощущение множественные куплеты в массовых танцах, в танке излить отленные хауфовые сны, оставив в неспросовенности только красившие и труднейшие дуэты главных героев и некоторые соло.

Особого разговора заслуживает Светлана Захарова — Манон. Она — уникальная, по преимуществу чисто классическая балерина-балаанчикница, для которой важней всего — хореографический текст партии. Эстетичен сам ее танец, можно любоваться каждой ее позой, арабеском, маленькими изящными двойными тоис de jante, с чего и начинается знаменитая ее танцевальная образца. Недогады и исчерпанием ее партнером предстал Илья Кукушкин, хотя партия кавалера де Грие мало соответствует его индивидуальности, но, к великому сожалению, нет сейчас в маринской труппе премьера достаточно широкого диапазона. Одни лучше в полухарактерном репертуаре — очень старательный Максим Хребтов (Ласко), другие — в характерном, например, Ислам Баймурадов, третий — проникновенные лирики, случай Андриана Фадеева... Но целый отряд принцев и романтических любовников ждет своего героя.

Какие-то утешающие ощущение оставили нынешние гастроль Мариинского балета. Сложилось впечатление, что и "Манон" и "Кармен" для театра и труппы — пройденный этап, хореографический и актерский материал, который на прощание решили показать и в Москве перед тем, как окончательно списать с репертуара... Как говорится: еще одно последнее сказанье, а потом — adieu! навеки!

Виктор МАЙНИЦЕ
Фото Игоря ЗАХАРКИНА
("Газета")